

Георгий Чулков. Омут

Источник: "Новелла Серебряного века". Изд-во: Москва, "Терра", 1994.
OCR и вычитка: Александр Белоусенко (belousenko@yahoo.com), 8 ноября 2003.
Оригинал здесь: [Библиотека Александра Белоусенко](#)
Дополнительная правка: В. Есаулов, июль 2004 г.

I

Александра Хомутова судили военным судом и приговорили к смертной казни. Мать Хомутова, седенькая и худенькая старушка, в черной кружевной наколочке, валялась у сына в ногах, уговаривая подать прошение о помиловании. Но Хомутов был упрямый, как его отец, который, узнав, что сын в партии, отрекся от него и не ходил к нему на свидание и даже на последнее свидание не пришел после приговора. И Александр не послушался матери.

Свидание с матерью было во вторник, а повесить Хомутова должны были в ночь с четверга на пятницу. Партия готовила побег, но денег в комитете не было: надо было съездить в Киев и там достать; одному надзирателю нужно было дать пятьсот, предстояли и другие расходы...

В Киев послали младшего Хомутова, - Алешу, только что кончившего гимназию. Дома он не сказал, зачем едет в Киев, но его и не спрашивали: должно быть, догадались зачем. Все сложилось удачно, и вечером в среду, получив семьсот рублей, Алеша выехал из Киева.

От волнений и ожиданий Алеша устал и теперь еще чувствовал мучительную тревогу: он любил брата и, когда он представлял себе возможную казнь, в горле у него начинались спазмы и он задыхался от ужаса и бессильной ненависти.

Но в то же время странная и неожиданная веселость загоралась у него на мгновение в сердце, как это бывает нередко в отчаянной и опасной борьбе.

Алеше было тогда восемнадцать лет. Он переживал те сладостные и тревожные дни, когда юношей вдруг овладевает неопределенное и, однако, острое предчувствие любви и страсти. Сначала подготовка к экзаменам, потом поручения, которые он охотно исполнял, когда партия возлагала их на него, отвлекая Алешу от этих томительных предчувствий, но всякая встреча с женщиной или даже мысль о такой встрече влияли на него, как колдовство.

И весь он был в каком-то весеннем возбуждении. Это возбуждение чувствовалось и во влажном блеске его больших темных глаз, и в беспокойной улыбке красных губ, и в стыдливом румянце, который время от времени окрашивал его юное, но уже утомленное лицо.

В купе второго класса, вместе с Алешей, оказалось еще двое: хромой офицер, побывавший в японском плену, и землемер, человек в очках, с желтоватой бородкой клином.

На станции Гребенка в купе вошла еще одна особа; это была стройная худенькая женщина, закутанная в черный шарф, так что лица нельзя было рассмотреть. В руке у нее был небольшой сак. Она тотчас же прикорнула в углу, и казалось, что она спит.

- Да, - сказал землемер, - велика наша Россия-матушка. Трудно ее, знаете ли, раскачать, но все же, приглядываясь к мужику, а без мужика Россия ничего не значит, приходишь, знаете ли, к заключению, что перемена в нем есть, не такой теперь мужик, как, - скажем, - лет десять назад.

- Что же, мужик лучше стал? - спросил Алеша, которому трудно было говорить: он думал о брате и о том, как хорошо, что есть деньги и можно спасти брата, что на это есть надежда по крайней мере.

- Не знаю, лучше мужик стал или хуже, - продолжал землемер. - Но ясное дело, стал он беспокойнее. Не спит.

- Это япошка дурману напустил, - проговорил неожиданно офицер, который лежал наверху, свесив голову вниз и слушая разговор.

- Как япошка? - спросил землемер, недоумевая.

- Солдатики, которые домой вернулись, у них в голове неладно.

"Как этот офицер нескладно говорит", - подумал Алеша и, заглянув на собеседника снизу, сказал:

- Вы непонятно выражаетесь. Почему у солдат в голове неладно?

- И у меня тоже в голове неладно. Невозможно вынести такие дела.